

Леденящий ужас пополз по позвоночнику, точно ледяная змея, обвившаяся вокруг шеи. Лин Яо судорожно зажал себе рот, силясь сдержать крик, рвавшийся из горла, — воздух, просачивающийся сквозь пальцы, дрожал. В конце коридора, в полумраке, извивалась черная тень. Она не шла, а волочилась, прилипнув к полу. Шуршание, с которым нечто терлось о терраццо, напоминало звук ржавой пилы, вгрызающейся в кость, — от этого скрежета сводило зубы.

Реакция Е Жаня была почти инстинктивной. Почти одновременно с тем, как Лин Яо закрыл рот, Е Жань схватил его за запястье — влажная от пота ладонь обожгла кожу — и с силой втянул в приоткрытую дверь процедурного кабинета. Другой рукой он быстро прикрыл дверь, оставив лишь узкую щель — достаточную, чтобы наблюдать, но не выдать себя.

— Тсс, — дыхание Е Жаня, горячее и прерывистое, обожгло ухо Лин Яо, но взгляд его, прикованный к щели в двери, был острым, как лезвие. — Что это, черт возьми, такое?

Лин Яо прижался спиной к дверному полотну. Холод проникал сквозь одежду, но от собственного пота ткань липла к коже. Сердце колотилось так, словно пыталось пробить грудную клетку. Он покачал головой, горло перехватило спазмом — образ существа не желал исчезать из памяти: бледный, вытянутый силуэт, похожий на размокшую бумажную куклу, без черт лица, лишь сгусток неопределенной тьмы, от которой веяло пробирающей до костей злобой.

Звук волочения за дверью приближался, сопровождаемый прерывистыми всхлипами, словно из пробитого горла, и каждый вздох был пропитан влажным, гнилостным смрадом. Запах антисептика стал невыносимо горьким, смешиваясь с трупным зловонием, он просачивался сквозь щель, вызывая резь в носу.

— Оно здесь, — прошептал Лин Яо едва слышно, напрягшись, словно натянутая тетива.

Мышцы Е Жаня мгновенно окаменели, плечи подались вперед, как у приготовившегося к прыжку леопарда. Он бесшумно схватил развалившийся стул — в руке осталась лишь проржавевшая металлическая ножка с острыми зубринами, впивающимися в ладонь. Взгляд метнулся по крошечному кабинету: опрокинутый письменный стол, на котором валялись клочки пожелтевшей бумаги, грязные пятна на кушетке, ни одного шкафа, где можно было бы спрятаться. Пустота. Скрыться негде.

В тот самый момент, когда шуршание почти поравнялось с дверью, всхлипы внезапно стихли.

Наступила мертвая тишина, еще более удушающая, чем шум. Казалось, даже воздух застыл. Лин Яо отчетливо слышал, как его собственное сердце бьется в барабанные перепонки. Они встретились взглядами с Е Жанем, и в глазах друг друга прочли панику — эта тишина была предвестием бури.

Через несколько секунд раздался новый звук.

Тук... тук-тук...

Это был стук в дверь. Легкий, как падение перышка, но четко ритмичный: удар, полсекунды тишины, еще два удара — прямо по дверному полотну, за которым они прятались.

Кровь Лин Яо почти застыла, кончики пальцев онемели. Е Жань сжал ножку стула так сильно, что костяшки побелели, а на руках вздулись вены.

— Нельзя... нельзя пускать его внутрь, — Лин Яо заставил себя стиснуть зубы, его мозг работал лихорадочно, как раскаленные шестеренки. — Ищи что-нибудь... забаррикадировать дверь!

Эти слова подействовали на Е Жаня как ушат ледяной воды. Оба бросились к опрокинутому столу — он был невыносимо тяжелым. Лин Яо толкал его до онемения пальцев, Е Жань уперся плечом. Столешница с противным скрежетом проехала по полу, этот звук в мертвой тишине показался оглушительным.

Стук за дверью внезапно прекратился.

А в следующую секунду — Бах! Бах! Бах!

Это был уже не стук, это был удар. Дверь затряслась, с косяка посыпалась штукатурка, оседая им на головы. Замок отозвался лязгом, словно готовый в любую секунду разлететься.

— Быстрее! — рявкнул Е Жань, вкладывая всю силу в плечо. Лин Яо, забыв о страхе, уперся руками в край стола, впиваясь ногтями в дерево. Наконец, за секунду до того, как замок окончательно поддался, стол с грохотом уперся в дверь, намертво заблокировав её четырьмя ножками.

Удары стихли.

Они замерли в той же позе, боясь вздохнуть. За дверью снова стало тихо, так тихо, что было слышно, как оседает пыль. Казалось, оно ушло.

— Ушло... ушло? — Е Жань тяжело дышал, вытирая пот со лба, и осторожно придвинулся к щели, осмелившись приоткрыть лишь один глаз.

В тот самый момент, когда он заглянул в щель —

На него уставился налитый кровью глаз!

Зрачок расплылся, словно грязное пятно, белок был испещрен темно-красными сосудами, а

кожа вокруг глаза отливала мертвенной серостью. Он в упор прижался к щели, встретившись взглядом с Е Жанем.

— Черт! — Е Жань отпрянул назад, споткнулся о ножку стола и едва не упал, выронив металлическую деталь, которая со звоном покатилась по полу.

Почти одновременно с этим сквозь дверь прорвался пронзительный вой — женский голос, полный такой ядовитой ненависти, что он вонзился в барабанные перепонки, вызывая у Лин Яо головокружение и темноту перед глазами.

Вой длился секунд десять и внезапно оборвался так же резко, как начался.

На этот раз за дверью стало окончательно тихо.

Обессиленные, они сползли по стене на пол, жадно глотая воздух. Холодный пот пропитал одежду, прилипшую к телу, от которой веяло могильным холодом.

— Это проклятое место... просто чертовщина какая-то... — Е Жань вытер лицо, его голос все еще дрожал от пережитого ужаса, и он выругался.

Лин Яо промолчал, его взгляд был прикован к предмету, выпавшему из ящика стола, когда они двигали мебель. Это был блокнот в твердом переплете с выцветшей обложкой, на которой значилось: Журнал дежурной медсестры. Уголки были испачканы чем-то темным.

Сильное предчувствие охватило его: здесь скрыта разгадка того, как выжить.

Он подполз к блокноту и коснулся обложки. При открытии страницы зашуршали — пожелтевшая, хрупкая бумага казалась готовой рассыпаться в прах. Записи в основном были аккуратными: Замена капельницы в 3-й палате, Оформление карт, — обычная рутина. Но на последних страницах —

Почерк внезапно стал неразборчивым, буквы дрожали, словно у пишущего не слушалась рука, каждая строчка была пропитана паникой:

[Дата скрыта, дождь] ...Оно снова здесь... плач в педиатрии на третьем этаже... но там никого нет! Старшая медсестра запретила проверять... но прошлой ночью я, кажется, слышала...

[Дата скрыта, пасмурно] ...Доктор Чжан исчез... прошлой ночью он был в ночную смену... говорят, он уволился... не верю! Я видела под дверью ординаторской... кровь... темно-красную...

[Дата скрыта, ливень] ...Правила! Нужно помнить правила! 1. После полуночи не отвечать на

вызовы пациентов, особенно с третьего этажа! 2. Если слышишь детский плач, беги в противоположную сторону, не ищи источник! 3. Если увидишь кого-то в красной больничной пижаме, немедленно закрой глаза и сосчитай до десяти, Оно ненавидит, когда на Него смотрят!... Помогите! Оно стучит в дверь ординаторской! —

Последние строки были выцарапаны ногтями, чернила прерывались, а дальше шли темно-красные следы, засохшие и почерневшие по краям страниц — это была кровь.

Лин Яо резко захлопнул блокнот, его пальцы дрожали, а лицо стало белым как бумага.

— Что случилось? Что ты нашел? — Е Жань придвинулся ближе и, увидев его лицо, понизил голос.

Лин Яо глубоко вдохнул, протянул ему журнал и указал на три правила, его голос все еще дрожал:

— Кажется... мы знаем, как выжить.

Е Жань быстро пробежал глазами по строчкам, нахмурился, провел пальцем по словам красная больничная пижама и только собрался что-то сказать —

Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!

Внезапно раздался звонок старого дискового телефона! Резкий, пронзительный, казалось, он готов разорвать барабанные перепонки. Звук бился о стены коридора, отражаясь эхом и неистово атакуя их нервы.

Звонили со второго этажа, недалеко — судя по всему, из поста медсестры.

Лица Лин Яо и Е Жаня вмиг изменились. Они одновременно подняли головы, глядя на электронные часы на стене, покрытые слоем пыли — экран, который до этого момента был мертв, вдруг вспыхнул тусклым светом, показывая размытые, но пугающе яркие алые цифры: 00:01.

Полночь наступила.

Раскрытый журнал медсестры лежал на полу, и первое правило вонзилось в сознание, словно ледяная игла:

1. После полуночи не отвечать на вызовы пациентов, особенно с третьего этажа!

Телефон продолжал звонить, настойчиво и удушающе, раз за разом, словно протянутая рука, ожидающая, когда кто-то не выдержит и ответит.

<http://bllate.org/book/18753/1814765>